

Разделяя боль. Интервью с директором коррекционной школы 13 г. Санкт-Петербурга, победителем Всероссийского конкурса «Директор школы - 2013» Бухаровым Денисом Валерьевичем

Терешатова Екатерина Евгеньевна

Шеф-редактор журнала "Директор школы" ИФ "Сентябрь", г.Москва

Каменное здание рядом с небольшим сквером в глубине одного из жилых районов Санкт-Петербурга — коррекционная школа № 13. На первый взгляд, никак не свяжешь со школой. А между тем, это не просто учебная организация, это целый детский мир для ребят с различными нарушениями в развитии, детей с особыми возможностями, детей без семьи... И целый мир для взрослых, которые работают с этими детьми и ради этих детей. В рамках стажировки финалистов Всероссийского конкурса «Директор школы - 2013» по образовательным учреждениям Северной столицы мы почти три дня провели в этой школе в гостях у директора Дениса Валерьевича Бухарова, победителя Всероссийского конкурса «Директор школы - 2013».

Как вы оцениваете ситуацию с коррекционной педагогикой у нас в стране?

С коррекционной педагогикой, как и с системой общего образования, сегодня в стране происходят определенные изменения, которые связаны в первую очередь с изменением в типологической классификации школ. Кто-то предлагает поместить всех детей с разными проблемами в образовательные учреждения (ОУ), реализующие так называемые базовые программы, кто-то говорит о том, что нужны именно коррекционные школы и без них всех проблем не решить. На мой взгляд, эта работа должна вестись в обоих направлениях. И на последних совещаниях и семинарах по инклюзивному образованию именно эти варианты и обсуждались. Если говорить о ФЗ «Об образовании», где родителям предоставляется право выбора школы, то одно другому не мешает.

То есть если родители считают, что их ребенок с речевыми проблемами или слабовидящий может обучаться в гимназии или лицее, то в соответствии

с законом гимназия или лицей обязаны будут создать условия для обучения такого ребенка. И это правильно.

Все школы к 2016 году уйдут от видового различия и станут общеобразовательными. И наша тоже перестанет быть специальной коррекционной школой, единственное, что останется, это наша специализация по реализации адаптированных программ для детей с разными нарушениями. Другими словами, будет все то же самое, только сами классы не будут больше называться «класс обучающихся по программе восьмого вида», например, и т.д., а будут классы и, соответственно, программы для детей с речевыми нарушениями, с задержкой психического развития, с умственной отсталостью, с особыми интеллектуальными возможностями и т.д. Кстати, понятие «умственная отсталость» хотят заменить понятием «особые интеллектуальные возможности», что, на мой взгляд, гораздо правильнее, так как оно и звучит корректнее, и по смыслу более соответствует действительности. Ведь в практике уже не раз встречались ситуации, когда особый ребенок не показывает результатов, которые должен был бы показать с точки зрения общеучебных компетенций, но зато он очень талантливый художник, например. То есть в любом случае это какие-то особые возможности ребенка, хотя при этом отсутствует то, что принято считать возрастной нормой в овладении общеучебными навыками.

Чем «грозит» изменение статуса школы директору коррекционного ОУ?

Изменение статуса школ, приведение всех к одному «знаменателю» для директора грозит ощутимым наплывом желающих в них обучаться. Почему? С одной стороны, выпускник получает аттестат с печатью гособразца, в котором написано, условно говоря, «общеобразовательная школа № 5», а с другой — он все это время обучался в классе с меньшей наполняемостью, по адаптированной программе, в особых условиях сдавал ГИА и при этом получил тот же самый аттестат с тем же набором оценок, предметов... То есть может получиться, что бывшие коррекционные школы станут очень востребованными.

Но при этом тем школам, которые сегодня являются обычными общеобразовательными, никто не мешает начать реализовывать адаптированные программы, как и нам никто не мешает реализовывать базовые. Я считаю, что такая смена названия при правильном подходе может дать толчок к очень интенсивному развитию инклюзивного образования.

В общеобразовательных школах появятся дети с ограниченными возможностями, а у нас появятся здоровые дети. Другое дело, будет ли такая инклюзия востребована родителями? В любом случае для нас эти изменения открывают новые горизонты. С одной стороны, реализация базовых программ в бывшей коррекционной школе — это некоторый новый импульс для учреждения, с другой — трудно спрогнозировать, какой ресурс потребуется директору, чтобы обеспечить обучение в своей школе здоровых детей. У общеобразовательных же школ возникнут проблемы, вызванные в первую очередь неготовностью большинства учащихся принять отличных от себя. Несмотря на положительные изменения в части толерантного отношения к особым людям, с полной уверенностью нельзя сказать, что сегодня все здоровые дети готовы учиться вместе с особенными. В любом варианте эта смена вывески повлечет за собой достаточно серьезные изменения для школы и уж точно будет полезна для общества.

Вы могли бы охарактеризовать с точки зрения эффективности те программы, которые реализуются сегодня в коррекционных школах?

Если говорить о программе инклюзивного образования в целом, то я бы сказал, что это не столько программа, сколько концепция, которая устанавливает правила взаимодействия

детей с разным уровнем развития в рамках одного учреждения. Почему это не программа? Потому что как бы ни говорили, мы никого, кроме детей с проблемами физического здоровья, которые могут быть компенсированы с помощью медицинских технических средств, по базовой программе обучать не сможем. Поэтому и в гимназии вполне могут обучаться слабовидящие или слабослышащие дети, например; необходимо лишь применять в обучении устройства и приспособления, специальные учебники, пособия, компьютерные программы и т.д. Для детей с нервно-психическими расстройствами и заболеваниями нужны иные условия — с помощью техники эти проблемы не компенсировать. И вряд ли технический прогресс в обозримом будущем позволит нам это сделать. Сегодняшние средства реабилитации позволяют в большей степени компенсировать проблему с восприятием. Например, слабовидящий ребенок на уроке информатики с помощью специальной клавиатуры сможет достичь практически тех же образовательных результатов, что и ребенок с нормальным зрением. Аналогичная ситуация с детьми, имеющими проблемы с передвижением. Компенсированные нарушения практически не ограничат их в возможностях получать знания на уровне здоровых детей. Именно такие дети, ограничения которых могут быть практически полностью компенсированы техническими средствами, смогут обучаться в обычной базовой школе в классе вместе со здоровыми детьми.

Сложные речевые патологии, проблемы с задержкой психического развития детей — это другая ситуация. Здесь психические процессы ребенка идут иначе. Страдает не только восприятие. А дети с умственной отсталостью — это еще более сложная ситуация. В этом смысле мне интересен опыт зарубежных коллег. Говорят, что в Финляндии, например, этот вопрос как-то решен. Но я лично уверен, что практически невозможно создать условия для совместного обучения интеллектуально сохранных детей и детей с умственной отсталостью любой степени по одной программе в одном классе. Даже если представить такую модель, то совершенно точно можно сказать, что все, что будет происходить в классе, будет малодоступно больному ребенку даже на уровне восприятия, уже не говоря о дальнейших, более сложных психических процессах.

Если подытожить, я всячески «за» инклюзию в любой школе, но дети с патологиями психического развития должны дифференцироваться и учиться по разным программам в разных классах. Повальная инклюзия без оглядки на возможности детей не принесет пользы ни особенным, ни здоровым детям.

Что бы вы добавили в те концепции по инклюзивному образованию, которые сейчас существуют в вашей школе?

Если говорить о нашей школе, то тут особая ситуация, потому что у нас помимо инклюзии интеллектуальной есть еще инклюзия социальная и есть инклюзия физическая. Конечно же, вся эта классификация очень условна и придумана нами. В одном учреждении учатся дети из разных социальных слоев: сироты, дети из семей, опекаемые дети. Они все учатся по одной программе в одном классе, но здесь есть психологическая составляющая, которую также нужно компенсировать. Средств для этого у нас много, много известных педагогических технологий, и нам это удается делать, на мой взгляд, достаточно успешно; есть серьезный положительный результат. Мы воспитываем у детей толерантное отношение к людям с иными физическими возможностями. Потенциальная опасность разграничения в детской среде преодолеваема, и успешно нами преодолевается. Мы стараемся, чтобы у детей не возникало мнения, что одни — сироты, а другие живут в семьях, или же одни дети физически здоровы, а другие — нет, и поэтому одни хуже, а другие лучше. Мы регулируем взаимоотношения с помощью «микса» педагогических воздействий, помогающих сглаживать все эти различия.

Сложнее обстоят дела с «интеллектуальной» инклюзией. Понятно, что эти дети учатся

в разных классах и по разным программам, и так оно и будет. Другое дело, что любой человек стремится к самосовершенствованию и в интеллектуальном плане тоже. И важно взаимодействие этих детей в иной развивающей деятельности: совместных праздниках, совместных общих делах и т.п. В таких случаях мы стараемся, чтобы более интеллектуально «продвинутый» ребенок понимал, что его напарник по школьному театру не сможет выучить тот или иной текст, чтобы он понимал его проблему. А второй понимал, почему ему дают более простую роль, — все эти моменты сглаживают интеллектуальное неравенство. Каждый в силу своего интеллектуального потенциала должен получать именно то задание, за счет которого он может почувствовать свою успешность, утвердиться не только в собственных глазах, но и в глазах своих товарищей. Мы успешно это реализуем и в школе, и в детском доме. У нас процентов тридцать детей обучаются по программе для умственно отсталых и по программе «особый ребенок», есть категория детей с синдромом Дауна, аутизмом и т.д. И они все прекрасно вместе уживаются и развиваются.

Так получилось, что, когда мы создавали нашу школу, мы не ставили цель сделать ее именно такой, но нам удается — и я рад этому — решать все три аспекта инклюзии: интеллектуальной, социальной и физической.

Особым детям нужны особые учителя. Кто те люди, которые работают в вашей школе, и кто в ней работать никогда не будет?

В нашей школе никогда не будут работать те, кто приходит на работу ради зарплаты. При этом каждый учитель имеет возможность зарабатывать больше своих коллег из других школ, но и работать соответственно нужно больше. У нас работают только единомышленники. Школа формировалась очень интенсивно: есть выпускники РГПУ им. А. И. Герцена факультета коррекционной педагогики. Очень редко мы берем на работу педагогов из обычных школ, это может быть только сильный «предметник» в старшую школу, где нужно готовить к экзаменам. В начальной школе у нас работают только логопеды, олигофрено-, тифло-, сурдопедагоги и т.д.

Когда я принимаю человека на работу, я задаю ему вопрос, понимает ли он, в какую школу идет работать? Некоторые реагируют настороженно, а некоторые говорят: «Да, я прошла по коридорам, я видела ваших детей, я понимаю, где я нахожусь и куда я иду». Во-первых, человек должен понимать специфику учебного заведения, в котором собирается работать.

Во-вторых, мы говорим с ним о нашем особом корпоративном устройстве, где все строится по очень простому принципу: каждый помогает каждому. Не только опытный педагог будет помогать молодому специалисту, но и только что пришедший после вуза человек, обладая определенным потенциалом, тоже будет делиться знаниями со старшими коллегами. И эта взаимопомощь трансформирована в среду детей и дает свой замечательный результат.

Есть еще третий момент в собеседовании с потенциальным сотрудником.

Я всегда говорю, что не беру людей, которые пришли в школу потому, что в их дипломе написано «учитель».

Претендент должен понимать, что работать с такими детьми может не каждый. Ему предстоит не просто учить и воспитывать, а и относиться к нашим детям, как к своему

родному ребенку. Честно говоря, готов на это не каждый.

У нас в школе 250 детей, 29 классов, и из 250 детей 41 ребенок живет в детском доме. Кроме этого, у нас есть дошкольное отделение, где по коррекционным программам обучается 90 детей в возрасте от 4 до 7 лет. В общей сложности наш контингент составляет почти 400 детей. При этом в школе 90 ставок только педагогов, людей, конечно, работает меньше, так как работают на полторы ставки. Постоянный педсостав — 65 человек. Помимо педагогов у нас много и других специалистов: помощники, медработники, водители, работники кухни, дворники, рабочие по зданию, документоведы, библиотекарь, администратор автохозяйства и т.д. Но все работают, взаимодействуют, и, как мне кажется, вполне успешно.

Как вы выстраиваете работу с родителями?

Откровенно говоря, управленческий ресурс на работу с родителями требуется гораздо больший, чем на работу с педколлективом и детьми, вместе взятыми. Возможно, я удивлю своим мнением, но в работе с родителями я в первую очередь становлюсь на позицию человека, отвечающего за «качество услуги».

Моя основная задача в работе с родителями — сделать так, чтобы они были довольны.

Родители, которые всю жизнь воспитывают детей с тяжелыми множественными нарушениями, — это люди, которым при жизни нужно поставить памятник. Я и учителям своим говорю: «Вы на секунду поставьте себя на место мамы-одиночки, которую бросил муж из-за больного ребенка и которая не сдала его в интернат и не отказалась от него при рождении, понимая, что ее ждет». Есть и полные семьи, достаточно благополучные, в которых живет такой ребенок, и ему уже 10–12 лет, а они всю жизнь носят его на руках, буквально. Вот эти люди, родители, приходя сюда, должны получать от нас помощь. Мы, именно школа, должны им помочь. В конечном итоге мы все выигрываем, если родитель доволен, у него есть и взаимопонимание с учителем, и осознание того, что он отдает своего ребенка в заботливые руки.

Мы очень открытая организация! Если родители отдают к нам ребенка или планируют отдать, мы их выслушиваем, все им рассказываем и показываем, как мы работаем. Если они захотят, то могут присутствовать на уроке. Родитель может высказывать свои пожелания относительно учителя. Если с кем-то не складываются отношения, у нас нет никаких обид, потому что все понимают, что это особенные дети и к ним нужно подбирать подход, и только один какой-то педагог порой может помочь ребенку на 100%. Это, конечно, только часть наших действий, но все они очень влияют на положительную общественную оценку нашей организации, и для нас это очень важно.

В этой ситуации любое наше обращение к родителям относительно субботника, или проведения для детей чаепития, или просто помощи в сопровождении на какое-то мероприятие никогда не остается без удовлетворения. Мы находимся в постоянном взаимодействии. И наша основная цель — сделать так, чтобы родители были нашими партнерами и союзниками и понимали, что мы те люди, которые разделяют с ними их боль. Школа должна показать на деле, что такой ребенок нужен не только его родителям.

На что именно и каким образом вы привлекаете внебюджетные средства? И надо

ли вам это?

Мы государственное учреждение, и, конечно, как и многим, нам бюджетных средств не хватает — их много вообще не бывает. Но, к счастью, и я сейчас не делаю какие-то «реверансы», наш район и наш город уделяют достаточно большое внимание коррекционным школам. Недавно построенный лифт и приобретенный транспорт для перевозки детей-инвалидов — это стоит миллионы, и руководство, понимая эту проблему, выделяет деньги. Если говорить о взаимодействии с внешними организациями, то последнее время у нас много партнеров. Мы сотрудничаем со всеми, кто искренне хочет нам помочь. Это может быть, например, какой-то праздничный обед для детей-сирот перед отъездом в лагерь. Это тоже результат взаимодействия с внешними организациями, и большое спасибо таким людям. Это может быть спортивный инвентарь, оплата бензина для нашего транспорта в виде талонов на топливо, которое они нам жертвуют, мебель в школе. Но мы принципиально не принимаем денежных пожертвований, мы принимаем помощь адресно и предъявляем жертвователю ее назначение, даже несмотря на то что спонсоры часто не требуют отчета. Много внимания нам оказывают артисты, спортсмены, которые приезжают на встречи с детьми. Детям сам факт приезда известного человека уже интересен, а гости еще привозят и подарки, сладости. Все довольны и рады.

В каникулы, если вдруг дети не поехали в лагерь, разные, в том числе и общественные, организации Санкт-Петербурга проводят для них различные мероприятия, устраивают экскурсии и т.п. Например, перед Новым годом к нашим детям-сиротам приезжали разные гости и провели 18 новогодних елок! Наши дети встречали Новый год 18 раз! Конфет, которые дарят к Новому году, хватает надолго. Я не скрываю, что мы под все благотворительные мероприятия детского дома «подтягиваем» и школу, так что задействованы все дети. И благотворители, узнавая об этом, не просто не возражают, а наоборот, понимая, что все дети равны, с радостью развлекают и угощают конфетами и всех детей школы.

Внимание общественности к нам очень велико. Если говорить о более весомых вещах, то, например, одна из строительных организаций обновила асфальт на школьном дворе и подправила газоны, что по приблизительным подсчетам составило почти 600 тысяч рублей.

Мы специально ни к кому и ни с чем не обращаемся, желающие помочь приходят сами, и мы, конечно, всегда рады.

Один обычный день директора школы Дениса Бухарова?

Когда у меня будет обычный рабочий день, я, наверное, уйду с этой работы.

Так сложилось, что я работаю в тех школах, которые нуждаются в развитии, что для меня является всегда импульсом к работе. И пока организация в таком состоянии, я в ней работаю. Но как только школа при моем участии, благодаря мне или не благодаря мне, вступает в стадию успешного ровного функционирования — все состоялось: новых зданий не открываем, баз не строим, контингент не набираем — для меня это становится не интересно. Я, так сказать, кризисный менеджер, и уже второй раз выполняю эту роль. И я считаю, что и в первый раз, и сегодня все прошло достаточно успешно, потому что мы смогли сделать школу, которая полезна и нужна нашему обществу.

Ну а если серьезно отвечать на вопрос... я все меньше и меньше вижу детей. Несмотря на

то что я являюсь государственным опекуном 40 человек, я общаюсь с ними достаточно редко. Я не преподаю, хотя имею педагогическое образование. Думаю, что большинству коллег-директоров, как и мне, на это просто не хватает времени. Тем не менее с любыми проблемами, какие бы ни возникали в школе или в детском доме, любой ребенок всегда может ко мне прийти, и я помогу. Даже если у меня сейчас нет времени, это будет отсроченный разговор. Единственное время, которое я могу посвятить именно детскому дому, — это выходные, я часто бываю там по субботам и воскресеньям. Мы общаемся, я их слушаю внимательно. Они могут прийти с любым вопросом или любой проблемой, и мы разбираемся. И если в отношениях с сотрудниками я авторитарный руководитель, то в отношениях с детьми я именно опекун в полном смысле и понимаю всю меру ответственности за этих детей.

Очень много времени уходит на бумаги. И несмотря на развитие IT, бумаг становится все больше, потому что любые органы надзора, учредители и т.д. обязательно требуют распечатку любого документа, любой справки, с печатями и подписями; сегодня отвезти в одну организацию, завтра — в другую... Но мне нравится работа с бумагами, потому что я изначально ввел свой документооборот. Я потратил неделю на то, чтобы из тех бумаг, что я нашел, приступив к работе в этой школе, отобрать нужные и ненужные. После этого я ввел свою систему работы с документами, создал свою номенклатуру, разослал ее своим подчиненным и потребовал работать именно так. Формы документов, бланки, все названия, форматы даты и т.д. — один раз заведенные правила соблюдаются в дальнейшем, что сильно облегчает работу всем. У всех все хранится в электронном виде, если нужно, распечатывается, и всегда любой документ можно найти или сделать другой по аналогии. В бумагах у меня порядок. Поэтому, несмотря на то что мне не очень приятен объем этих бумаг, если система документооборота в порядке, то работа с ними если и не в удовольствие, то по крайней мере не сильно и в тягость.

Проверяющие органы к нам приходят, как и ко всем, и по плану, и вне плана, потому как тут учатся и живут дети-сироты и государство уделяет им больше внимания, так что мы всегда работаем в режиме ожидания проверки.

Что пока еще не сделано вами и будет сделано в первую очередь?

Во-первых, расширение материально-технической базы. Не потому что то, что есть сегодня, не соответствует нужному уровню и качеству. Оно соответствует, но не на то количество настоящих и потенциальных детей, которые в нас нуждаются. Школа сегодня перегружена, и речь идет о том, что у нас появятся еще одно новое здание и загородная база, которая будет работать круглый год. Так как детский дом будет в ближайшее время постепенно убывать (система образования не комплекует больше детских домов в соответствии с новым ФЗ «Об образовании») нового набора не будет, детей будут направлять в детские дома, которые будут находиться в системе соцобеспечения. У нас вместо детского дома будет создан интернат, работающий в режиме пятидневки, для детей с множественными тяжелыми нарушениями, родители которых находятся в сложной жизненной ситуации. Так что на место детского дома придет интернат, в нем будет раз в пять больше мест, чем сегодня в детском доме, и это, конечно, добавит проблем, так как увеличится количество детей с тяжелыми патологиями. С другой стороны, уйдет целый пласт вопросов, связанных с сиротством. И это перспектива ближайших лет.

